

Е СЛИ я фашист, то и Федор Михайлович тоже — пытался доказать своей речью Михаил Дунаев, выступавший на вечер, посвященный 119-летию со дня смерти писателя. Хотя господин Дунаев, рассуждая о «Достоевском в третьем тысячелетии» (а именно эта тема была поводом для дискуссий), взял слово не первым, именно его теория стала наиболее впечатляющим моментом мероприятия. «Один из иностранных литературоведов обвинил меня в фашизме, когда я сказал о том, что идеи Достоевского не общечеловеческие, а только православные». Слово «православные» постепенно заменилось на «русские», и Дунаев, призывающий вслед за Достоевским смотреть на мир по-православному (и тогда все тайны бытия открываются), подытожил: «Смысл и назначение русской идеи — в служении Христовой правде. Если Россия не будет великой империей, то ее будут бомбить так же, как и Югославию». Сомнения, высказанные по этому поводу Галиной Пономаревой («мысли имперца были все же не такого имперского характера»), остались практически без внимания. Группа поддержки Михаила Дунаева, состоящая из двух дам, активно соглашалась с мнением оратора, заглушая остальные возражения: не все участники дискуссии видели в творчестве Достоевского напутствие «вождя русского православного народа».

Впрочем, выступление Дунаева было столь ошеломляющим лишь на общем фоне традиционных бесед о писателе-предвидце и о незаинтересованности в нем современной молодежи. Ведь если бы Дунаев столь же выразительно ораторствовал и раскрывал все новые и новые «националистически-православные» идеи Достоевского на каком-нибудь митинге, это не только не звучало бы как что-то новое, но даже, возможно, определенная часть молодежи (из тех, кому чтение подобного рода представлялось скуч-

ным) и начала бы «интересоваться» писателем, правда, несколько с одного бока.

Открывший вечер Игорь Виноградов предположил, что процесс десаκραлизации, начавшийся еще в XIX веке, будет продолжаться, а религиозные чувства — в противовес этому — нарастать, наступит предсказанное Бердяевым «новое средневековье», но Достоевский останется «знаковой фигурой», ибо «его роль в качестве пророка будет раскрываться все больше и больше, а вопросы, сомнения его персонажей останутся столь же насущными». Коллеги-литературоведы подтвердили пророческий дар писателя: Достоевский говорил о том, что социализм разобьется о соборную Русь.

Татьяна Касаткина рассказывала, как его романы приводят людей на порог церкви, а Валентин Недзвецкий доказывал, что Федор Михайлович — писатель народный, так как в «Братьях Карамазовых» звучит народный (?) мотив отцеубийства, а самый современный человек — Иван Карамазов. Однако выступающий также отметил, что завещанием Достоевского следует считать «Пушкинскую речь 1880 года», где пи-

сатель подчеркивает всемирность и всечеловечность гения, необходимость воссоединения людей, значение Европы для России. Борис Тарасов затронул тему цивилизации в творчестве Достоевского, что тут же вызвало бурную реакцию, выразившуюся в различных мнениях насчет «модели идеального государства» у писателя. Компромисс найден не был, так как несмотря на то что герои Достоевского движимы некой почти утопической мечтой создания «общины в миру», каждый из спорящих видел эту общину по-своему...

Ощущения, вынесенные из вечера, проходившего в Музее-квартире Достоевского, были очень противоречивые. С одной стороны, было странно наблюдать такого специфического рода патриотический подъем в «рядах» интеллигенции, с другой — непонятно, почему, собственно, он возник, ведь «со всех сторон нас окружает десаκραлизация, деспиритуализация», люди по профессии «убивец», а православие — залог русского национализма... Ах, да — патриотические подъемы возникают обычно во время войн...

Екатерина СЕЛЕЗНЕВА

Независимая газета. - 2000. - 18 февр. - с. 7